

ЧАСТЬ 2

Ночью ураганный ветер разогнал тучи, и в разрывах между ними над ледяными просторами поплыла матово-бледная луна. Непривычно светит с северной стороны. В её слабом белесоватом свете качались чёрные мачты «Вдохновенного», вычерчивая над головой замысловатые зигзаги. Лунная радуга встала над южным горизонтом, расцветила полярное небо мягкими, прозрачными красками, разбавленными синевой ночи. Казалось, они пахли морем и низко висящими над ним мохнатыми звёздами. К утру ветер стих, погасли гребни, но море не улеглось, и в разных направлениях шла зыбь. Китобоец то раскачивался с борта на борт, то подвергался стремительной килевой качке. Оголённый винт, бешено вращаясь, сотрясал судно. Я выбежал на корму, изгибаясь в приступах тошноты, цепко хватался за леер и выл волком, в который раз проклиная себя за необдуманное решение отправиться в десятимесячное плавание. Ведь знал же, знал, что буду блевать, бездыханным трупом висеть на леере, тупо глядя на пенный бурун, и молить Бога поскорее унять ненавистную бурю и эту проклятую зыбь. Так нет же! Попёрся опять, да не куда-нибудь в Чёрное море с его персиково-абрикосовыми, виноградно-сливовыми, пальмово-кипарисовыми берегами! А в Антарктику, в самое пекло бесовской свистопляски сатанинских ветров! Что заставило меня забыть о прежних мучениях морской болезни? Романтика китобойного промысла, жажда денег или неуёмная страсть, вроде той, что в мерзопакостную погоду гонит охотника на звенящее гнусом болото? Наверно, нельзя сказать, что здесь главное. И первое, и второе, и третье, как меню на обеденном столе, всё вместе взятое, составят то единое чувство, всегда тянущее в море, скрывающееся за далёким манящим горизонтом. Надо признаться самому себе, что стремление заработать денег тоже подтолкнуло на отчаянный шаг. «Вот схожу в путину, куплю машину... Нет, лучше квартиру... Или положу все деньги на сберкнижку... Схожу потом ещё раз и куплю домик в Крыму...» – мечтал я, вышагивая к проходной Дальзавода, где в ремонте стоял «Вдохновенный». И вот я даю «смычку» рвоты с кормы «Вдохновенного», мгновенно подхваченную ветром и унесённую в штормовую ночь. И признаюсь самому себе: «Зря, парень, мучаешься... Ничего не будет и на этот раз... Ни машины, ни квартиры, ни сберкнижки... Всё останется в мечтах, а денежки быстро и незаметно, как горсть снега в тёплой ладони, растают в ресторанах и гостиницах Владивостока, осядут в сумочках улыбчиво-жуликоватых официанток, в портмоне неприступно-строгих взяточников-администраторов, в карманах хамо-

вато-наглых таксистов. Обессиленный, я возвратился в электрогребное отделение, упал на поёлы. В лежачем положении легче переносится качка. На трапе послышались шаги. Это спускается первый электромеханик Абашкин. Увидел меня, недовольно сказал:

– Ты чего раскис, как медуза? Качку работой вылечивают... Держись, парень! Ты же мужик! Бабы и те в море ходят...

– Ага... Ходят... На плавбазах, которые не шкивает так, как нас... На китобоец бы хоть одну из них... Посмотрел бы я на тех морячек.

– Была одна такая... В послевоенные годы... Плавала капитаном на китобойце... Фамилия её не то Соколова, не то Орлова... Эта бой-баба понимала толк в китобойном деле! По рассказам старых китобоев, она и сама становилась к пушке. А команду держала во как! – Абашкин показал сжатый кулак.

– Чуть что не по ней – ка-ак звезданёт промеж глаз! Мужики на судне боялись её. Слабаки на борту не держались... Она была стройна... Ходила в сапогах, в кожаных штанах в обтяжку, в свитере водолазном и всегда в фуражке-мичманке. Красивая была!

– Кто-нибудь из команды ходил у неё в любовниках?

– Об этом история умалчивает... Говорят, неприступная была, как крепость...

– Неприступных крепостей не бывает... Их штурмом берут или длительной осадой. А в путине за девять-десять месяцев неужто ей любви не хотелось?

– Хотелось, наверно, как и всякой женщине... Но, говорят, не находилось смельчаков забраться в постель к бабе-капитану.

– И где сейчас эта Соколова-Орлова?

Абашкин неопределённо пожал плечами.

– Кто её знает? Считай, четверть века минуло с тех пор... А может, выдумка всё... Легенда... Никто толком ничего не скажет... А ты, давай... Хватит валяться. Не можешь? Тогда я Шматко на замену пришлю... Пусть он за тебя повахтит...

Рассказ Абашкина глубоко запал мне в душу на всю жизнь, хотя героическими женщинами никого не удивишь: мифическая Афина Паллада, богиня охоты с копьём в руке. Жанна д'Арк – предводительница рыцарского войска. Танцовщица-разведчица Мата Хари. Полковник авиации Марина Попович – лётчик-испытатель реактивных самолётов. Валентина Терешкова и Светлана Савицкая – космонавты. Капитан дальнего плавания Анна Щетинина. Были и есть много других героических женщин, управлявших самолётами, паровозами, автомобилями, тракторами... Но чтобы почти на год уходить в штормовое море на маленьком китобойце, держать в повиновении три десятка отчаянно-бесстрашных моряков... Даже Волк Ларсен в романе Джека Лондона «Морской волк» не мог справиться с разъярённой толпой матросов. А тут хрупкая на вид женщина... Какой волей, смелостью и мореходными знаниями нужно обладать, чтобы завоевать уважение и признательность экипажа? Многие годы загадочный образ женщины-капитана, наделённой железным характером, вставал у меня перед глазами. Я представлял её у гарпунной пушки, в каюте над штурманской картой, за столом кают-компания, на мостике китобойца. А если такая и вправду была?... «Вот разыщу её, расспрошу обо всём и напишу роман... И померкнет в сравнении с «бой-бабой» Волк Ларсен... Никого не разыскал... Ничего не написал... Так и осталась бы она для меня красавицей-амазонкой из легенды о китобоях, если бы однажды – это случилось незадолго перед моим отплытием в поход по Оби – случайно не наткнулся в Интернете на фамилию Орликова. Я чуть из компьютерного кресла не выпал! Она! Я столько лет обожал эту женщину, существующую лишь в моём воображении, и вдруг она выплыла из глубины прошлых лет в виде сухой информационной заметки. Из материала Letopisi.Ru. «Время вернуться домой» узнал следующее:

«Орликова Валентина Яковлевна... Родилась в 1915 году в г. Сретенске, в Забайкалье. Окончила Владивостокский водный техникум и Ленинградский институт водного транспорта. Во время Великой Отечественной войны работала штурманом на судах морского флота, участвовала в эвакуации раненых из Таллина. После войны стала первой в мире женщиной-капитаном китобойного судна «Шторм», а позже – единственной в мире женщиной-капитаном БМРТ – большого морозильного рыболовного траулера. Стояла на капитанских мостиках промысловых судов «Николай Островский», «Новиков-Прибой», танкера «Пирятин». Герой Социалистического Труда Валентина Яковлевна Орликова ушла из жизни в Москве 31 января 1986 года. Похоронена на Ваганьковском кладбище. Рыбаки Мурманского тралового флота установили на могиле В. Я. Орликовой бронзовый бюст.

Её именем назван российский траулер, построенный в Германии. В Мурманске на улице Капитана Орликовой, на доме номер 40, установлена мемориальная плита. На мраморе высечены слова: «Орликова Валентина Яковлевна (1915–1986). Капитан дальнего плавания, единственная в мире женщина – капитан китобойного судна. Герой Социалистического Труда»».

Вот так, через сорок лет, полуправдивая, полумифическая история, рассказанная мне Абашкиным, обернулась реальностью, получила достоверное подтверждение.

Оказывается, она жила в Москве. С ней можно было воочию увидеться, поговорить, написать о ней интереснейшую книгу. Почему, откладывая на «потом», мы думаем, что у нас уйма времени. Что всё останется на своих местах, никуда не денется, будет ждать нас, и мы успеем найти, рассказать, сделать, создать?! Время – прялка, и годы – клубок. То их жалко, то наоборот... И оно не может быть ни плохим, ни хорошим, ни добрым, ни злым: какие люди – такое и время. Не дождалась Валентина Яковлевна моего звонка в дверь её московской квартиры. Слишком долго я откладывал на «потом» наведение справок о ней. Такое вот грустное продолжение романтической истории, услышанной мною в штормовую ночь от первого электромеханика «Вдохновенного» Ивана Андреевича Абашкина. Мог ли я тогда, мучимый морской болезнью, придать серьёзное значение судьбе женщины – капитана китобойца, наклонившись над жестяной банкой-обрезом, исходя в неё струйкой прозрачно-зеленоватого желудочного сока?

Абашкин посмотрел на меня, как на издыхающую никчемную собаку.

– Ну и видок у тебя! Размазня! Преодолей себя! Пойди на бак, помоги мужикам гарпуны потаскать... Смотреть противно, как ты корчишься... Тьфу!

Ну и пусть плюётся... Мне всё равно. Какие, к чертям собачьим, гарпуны? До ведра только и хватает сил доползти... Никто сейчас не оторвёт меня от поёд, по которым, распластавшись, елозится моё чуть живое тело. В гребное отделение заглянул электрик Шматко.

– Я за тебя вахту стоять не буду, – сердито сказал он. – Тут не гавайские тропики, где вы загорали на «Славе»... Тут, братец, Антарктика!

Одессит без всяких усилий приподнял меня, усадил за конторку перед телефоном, словно нарочно тотчас зазвонившим. Я снял трубку.

– Электроплита не включается, – прогундосила трубка голосом кока.

И я, пытаясь поймать ногами уходящую из-под них палубу, потащился на камбуз, где запах отварной колбасы заставил меня выскочить за дверь, навалиться на планширь, сокращаясь в позывах дикой тошноты. Но кок ждать не намерен.

– Слышь, приятель... Война войной, а обед по расписанию, – крикнул он. – Я не намерен по твоей милости оставлять команду без обеда.

Я вернулся на камбуз, поменял плавкую вставку в предохранителе и больше не падал на поёлы.

Да-а... Это не «Робкий»... Здесь никто не сочувствует с дружеской иронией... Здесь нет улыбающегося Чугунова, неунывающего Далишнева, весёлого Балдина и других добрых, отзывчивых, бесшабашно-удалых, азартно-хватких в работе сорви-голов, где и сам капитан Обжиров под стать команде – красавец-мужчина, в числе первых на промысле, в пьянке, в гулянке... Здесь я сам по себе...

Ещё несколько долгих месяцев, с упоением зачёркивая в календаре прошедший день, бесконечно пересчитывал, сколько осталось терпеть до окончания путины. Следуя за китами, флотилия приблизилась к Южным Шетландским островам, вблизи которых и наступил долгожданный конец промысла. Ударил сильные морозы, повалил снег: в южном полушарии началась антарктическая зима, в то время как в северном в это время лето. Проливом Дрейка мы вышли в Атлантику, миновали Африку, прошли Индийский океан, обогнули индонезийский остров Суматра и Малайзийским проливом пришли в Сингапур, куда «Советская Россия» традиционно заходила пополнить запасы питьевой воды и топлива. Китобой толпами устремлялись на берег, сметая товары в бесчисленных лавочках торгующих здесь китайцев, малайцев, японцев, филиппинцев, тайцев.

Мне ужасно не повезло: с разболевшимся животом угодил в медсанчасть плавбазы. В бананово-лимонном Сингапуре побывать не удалось. Во Владивосток «Вдохновенный» возвратился в одиночестве. В Южно-Китайском море к нам на судно высадился учёный-ихтиолог, и ещё неделю мы болтались, выполняя указания очкастого лысого умника в белых шортах и панамке. К пирсу на Мальцевской переправе мы тихо подошли поздним июльским вечером, без оркестров и встречающих, словно с рыбалки выходного дня. Едва перебросили трап, как все свободные от вахты моряки ломанулись на берег. Домой, к семьям, к любимым женщинам. Я не мог сдерживать эмоции от обуревавшей меня радости ступить на твёрдую землю и всё бежал, бежал. Ноги, приученные сопротивляться качке, высоко зади-

рались в коленях, а я всё бежал, бежал... Наконец, утомлённый бегом, поплёлся неторопливым шагом. Куда? Ни семьи у меня... Ни дома... Ни любимой женщины... На Луговой сел в трамвай и поехал по Ленинской, ныне Светланской. Просто так. Без цели и понятия зачем. Мне хотелось кричать, говорить всем, что вот он я, вернулся из Антарктики! Почти год не видел ничего, кроме воды и неба. Рядом сидели незнакомые горожане, шутили, смеялись, говорили о своём. Не было им дела до какого-то молодого моряка в форменной тужурке и в фуражке с «крабом», шитым золотистыми нитками. Мало ли моряков во Владивостоке! Я вышел на остановке «Океанский проспект». Ноги сами понесли в «Золотой Рог». У дверей стоял швейцар в ливрее, перекрыл вход.

– Мест нет! – разглаживая бакенбарды, рявкнул ресторанный цербер. Я сунул ему трёшку и беспрепятственно вошёл в зал. За двадцать пять рублей официантка быстро «изыскала» место за столиком рядом с дамой уныло-томного вида. Вечернее платье из тёмно-вишнёвого бархата, укладка пышных волос, над которой долго старался парикмахер, не оправдывали пылких надежд дамы. Видимо, никто не приглашал её танцевать. Судя по скучающим лицам посетителей, оркестранты в который раз и без устали «на заказ» исполняли марш китобоев. В гудящем улеем, сизом от табачного дыма зале «Золотого рога» сегодня «правили бал» китобои «Советской России». Я подошёл к солисту оркестра, вручил сторублёвку и кивнул на даму в бархате.

– Сделаем! В лучшем виде! – мотая гривой длинных волос, ответил солист. Я ещё не добрался до столика, как микрофон запищал, загудел и забасил приподнято-торжественным голосом подвыпившего певца:

– А сейчас для нашей гостьи, очаровательной незнакомки в бархатном платье исполняется песня «Эти глаза напротив...».

Загремели стулья, задвигались столы, и кавалеры, заметно принявшие «на грудь», стараясь опередить соперников, ринулись расхватывать самых красивых.

– Позвольте пригласить вас, – с галантным поклоном подошёл я к даме, по спекулятивной прихоти официантки ставшей в этот вечер моей избранницей. Она благодарно улыбнулась. Маленькая мягкая ладонь элегантно легла на мою грубоватую руку. Волнисто-русые волосы, пружинящие ладком и приятно пахнущие жасмином, коснулись щеки. Обхватив обтянутую бархатом гибкую талию, я прижал женщину к себе, ощутив упругость груди. Вот она – минута блаженства, ради которой блевал с кормы «Вдохновенного»! И пропади они пропадом эти деньги! Ещё заработаю! А сегодня имею право устроить себе шикарный отдых! Я щёлкнул пальцами, подзывая официантку, почти не отходившую от моего столика.

– Шампанского! Коробку самых дорогих конфет и фрукты! Для дамы в бархате! И бутылку коньяка «пять звёздочек»!

...Ветер свистит на пустом берегу... Шумят, бегут торопливо волны. Подобно им, быстро проходят годы.

Затуманенным взором обречённо и с завистью смотрит старый морской волк на сверкающее солнце, которое с высоты небес видит море: белое от полярных снегов и льдов... Гладкое, изумрудно-зелёное... Вспененное штормами... Иссиня-фиолетовое, с мелкой рябью, подёрнутое предутренней туманной дымкой... Медно-золотистое в бликах вечерней зарницы... Бьющее прибоем в прибрежные скалы... Тёплое и спокойное, ласково омывающее песчаные дюны... Завершая каждодневную прогулку по небосводу, уставшее солнце погрузится вечером в глубины океана, а утром, освежённое его волнами, вспыхнет ослепляющим диском среди розовых облаков и продолжит свой извечный путь в новой красе. Вспомнит бывалый моряк, как купалось солнце в тропическом море, обогащая горизонт кроваво-красными зорями рассветов и закатов, роняя брызги пурпурного света. Не забыть ему сырые, холодные ветры Атлантики, освежающие тихоокеанские бризы и морозное дыхание Антарктики. Отринув годы, увидит седобородый старец себя молодым на фок-мачте охотника за китами, с марса которой, раскинув руки, кричал в лазурно-бесконечную даль: «Хочу объять океан!» Словно наяву, всплывут в памяти морского бродяги картины давно минувших дней: резвящиеся у форштевня дельфины, трепещущие в воздухе летучие рыбы, фонтанящие киты, касатки, взрезающие остекленевшую гладь воды острыми плавниками, лунная дорожка и на ней силуэт скитальца морей – китобойца. Глядя на солнце из-под ладони, давно утратившей запах смолистых канатов, старый моряк беззвучно, одними губами, шепнёт солнцу: «Поклонись морю... Скажи, что не предал его... В мыслях живу в нём...» И то ли от ярких лучей, то ли от нахлынувших воспоминаний блеснут слезинки под прищуренными глазами, скатятся по небритым щекам и потухнут в морщинах лица, в проседи бороды...